

Е. В. Реутов

СОЦИАЛЬНАЯ СОЛИДАРНОСТЬ В ОБЩЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ (ОПЫТ РЕГИОНАЛЬНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ)

Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ. Грант «Реципрокность в воспроизводстве практик взаимопомощи в местных сообществах» № 17-03-00196

DOI: 10.19181/snsp.2017.5.3.5359

Реутов Евгений Викторович — кандидат социологических наук, доцент, Белгородский государственный национальный исследовательский университет.

308015, Россия, Белгород, ул. Победы, 85

E-mail: reutovevg@mail.ru

Тел.: +7 (980) 375 78 34

Аннотация. Идея социальной солидарности в настоящее время востребована как политическими элитами, так и общественностью. С 2000-х годов идея солидарности как ключевого целевого ориентира развития общества воплощается в концептуальных документах, исходящих от различных государственных и негосударственных структур. На основании результатов серии интервью определён уровень и характер восприятия социальной солидарности общественностью. Для неё солидарность представляется, скорее, нормативной, чем дескриптивной характеристикой российского общества. В общественном дискурсе социальная солидарность рассматривается прежде всего сквозь призму коллективных целей и интересов, сплывающих граждан в рамках общностей разного уровня — от малых групп до страны в целом. Солидарность трактуется как способность граждан к объединению ради достижения общих целей. Важной составляющей солидарности является также духовно-нравственная общность, нормативно-ценностная и культурная идентичность. В ряде случаев солидарность связывается с тождественностью ментальных и поведенческих характеристик членов сообщества. В общественном дискурсе о социальной солидарности представлен также её деятельностный аспект — взаимопомощь и поддержка, оказываемые друг другу членами сообщества. В качестве социальной базы формирования солидарных отношений рассматриваются локальные сообщества с высокой степенью коллективной идентичности и коммуникаций (село или двор в городском поселении).

Ключевые слова: социальная солидарность, ценности, интересы, взаимопомощь, общественный дискурс.

Введение в проблематику социальной солидарности

В настоящее время российское общество (и не только оно) столкнулось с комплексом вызовов, от реакции на которые во многом зависит вектор его дальнейшего развития. Экономика, основанная на разделе сфер влияния между крупными корпорациями, значительная часть из которых находится под контролем административно-политического класса, ставит барьеры на пути развития

инновационного предпринимательства. Коммерциализация здравоохранения, образования, культуры, социального обслуживания, снижение их качества препятствуют воспроизводству человеческого потенциала. Усиление неравенства населения в доходах и собственности размывает национально-государственную идентичность и повышает восприимчивость социально активных групп населения к левацким и экстремистским идеологиям. Безответственность бюрократии в условиях отсутствия полноценного гражданского контроля формирует ситуацию инверсии целей и средств, в которой эффективность различного рода «проектов» определяется способностью выбрать наиболее комфортные для отчётности показатели. Защита традиционных ценностей дошла до предела, за которым может наступить введение государственно-церковной инквизиции в её православном либо исламском вариантах.

В данной ситуации обращение власти, научного сообщества, отдельных групп общественности к проблематике социальной солидарности выглядит вполне обоснованно. Восходящая к О. Контю и Э. Дюркгейму социологическая традиция рассматривала солидарность в контексте прочности (от лат. *solidus* — прочный) отношений, связывающих индивида с обществом либо непосредственно (механическая солидарность), либо опосредованно — через других людей (органическая солидарность) [Дюркгейм, 1991]. Значительным влиянием идея солидарности пользовалась также в современном (и даже более раннем) Э. Дюркгейму российском социально-философском дискурсе. П. Л. Лавров, анализируя роль ассоциаций в развитии общества, отмечал, что прогресс заключается «лишь в растущем сознании истины путём всё более вырабатывающейся критической мысли и в растущем воплощении в общественную жизнь солидарности между людьми, окончательно распространяющейся на всё мыслящее человечество в его кооперации ко всеобщему развитию» [Лавров, 1965: 296]. Другой российский мыслитель, П. А. Кропоткин, дискутируя со сторонниками социал-дарвинизма, отмечал, что «практика взаимной помощи и её последовательное развитие создали самые условия общественной жизни, благодаря которым человек смог развить свои ремёсла и искусства, свою науку и свой разум; и мы видим, что периоды, когда институты, имевшие целью взаимную помощь, достигали своего высшего развития, были также периодами величайшего прогресса в области искусств, промышленности и науки» [Кропоткин, 2007: 236].

Нужно отметить, что идеологический конструкт социальной солидарности, «солидаризма», в середине — второй половине XX в. в определённой мере оказался скомпрометирован тем, что являлся основой программы Народно-трудового союза (НТС), близкой по идеологии «корпоративному государству» Б. Муссолини, а в странах Латинской

Америки длительное время использовался как инструмент противодействия самоорганизации рабочего класса, в том числе в рамках профсоюзного движения [Артавиа, 2010]. Тем не менее освобождённая от идеологических стереотипов идея солидарности по-прежнему продолжает восприниматься как воплощение одной из наиболее привлекательных общественных ценностей — социальной справедливости.

Социальную солидарность Дж. Александер видит основной предпосылкой преодоления ключевого противоречия гражданского общества — дихотомии индивидуализма и коллективизма. Однако его трактовка социальной солидарности «с помощью универсалистских терминов» выглядит весьма уязвимо в наше время нарастания рисков, социальной и культурной поляризации: «чувство единения... выходящее за пределы личных обязательств, преданности групповым и сектантским интересам» [Александер, 1999: 29–30].

Развивая активистскую парадигму социологии, О. Н. Яницкий обращает внимание на значимость фактора риска для формирования солидарности. Он отмечает формирование в обществе риска новых типов общностей — риск солидарностей, которые либо извлекают выгоду от рисков (солидарности производителей риска), либо стремятся к их минимизации и сохранению привычного порядка (солидарности жертв риска) [Яницкий, 2004]. З. Бауман, рассматривая влияние глобализации на социальные процессы, акцентирует внимание преимущественно на её негативных последствиях для макрогрупповой солидарности — формировании «чувства ненадёжности и ощущения неопределённости, подрывающих уверенность человека в себе, — необходимое условие любого устойчивого участия в общественной жизни» [Бауман, 2005: 29].

Можно также отметить некоторое смещение акцентов в современном дискурсе о социальной солидарности. Если до этого приоритет отдавался её национально-государственному измерению, то в настоящее время — солидарность в большей мере стала рассматриваться как параметр отношений в сообществах на микро- и мезоуровне.

В многочисленных публикациях последних лет большое внимание уделяется формированию и развитию структур гражданского общества в регионах России, готовности населения включаться в их деятельность [Петухов, 2002; Ковалева и др., 2008; Мерсиянова, 2009; Мерсиянова, Якобсон, 2011; Халий, Аксенова, 2010 и др.]; анализируются практики солидарности и взаимопомощи на уровне местных сообществ, взаимосвязь между солидарностью и гражданским активизмом [Звоновский, Меркулова, 2015; Климова, 2013; Реутов и др., 2016; Реутов, Турьянский, 2016; Штейнберг, 2004; 2010 и др.].

Характерно также то, что с начала 2000-х годов концепт солидарности стал основой нового подхода к исследованию процессов дифференциации молодёжной среды, дополнив и видоизменив субкультурную традицию. С точки зрения данного подхода «переход к понятию “солидарности” был продолжением идеи, что именно коммуникация, общение занимает центральное место в формировании эмоциональных связей внутри и между молодёжными культурными формированиями» [Омельченко, 2013].

Солидарность как элемент политического дискурса. Общественный запрос на солидарность

Концепт социальной солидарности как составной элемент «российской идеи» вошёл в предвыборную программу В. Путина в 1999 г. При этом в программной статье «Россия на рубеже тысячелетий» социальная солидарность фактически ассоциировалась с патернализмом и коллективистскими ценностями и рассматривалась не в категориях «хорошо» или «плохо», а как то, «с чем надо считаться» [Путин, 1999].

С конца 2000-х годов идеология солидарности как ключевого целевого ориентира развития общества стала воплощаться в концептуальных документах, исходящих от различных государственных и общественных структур федерального и регионального уровней. Данные концепции соответствовали консервативному политическому тренду, актуализировавшемуся со второй legislatury В. Путина, и, в свою очередь, работали на его окончательное закрепление.

В ряде регионов России местные элиты стали использовать концепт солидарности в качестве идеологической базы регионального развития. Так, в Белгородской области с конца 2000-х годов началась программная разработка концепции солидарного общества. Результатом стала Стратегия «Формирование регионального солидарного общества на 2011–2025 годы», утверждённая постановлением правительства Белгородской области от 24 ноября 2011 г. за № 435-пп. Содержание идеи солидарного сообщества трактовалось в Стратегии как «утверждение в повседневной жизни принципов взаимной лояльности, ответственности, социальной поддержки» [Об утверждении..., 2011].

В Ульяновской области в настоящее время реализуется Концепция развития социальной сплочённости, утверждённая распоряжением правительства Ульяновской области от 19 июня 2013 г. № 394-пр «О концепции развития социальной сплочённости в Ульяновской области на период до 2020 года». В соответствии с ней социальная сплочённость и солидарность провозглашаются «ценностными ориентирами формирования и реализации государственной социальной политики и деятельности институтов гражданского общества» [О концепции..., 2013].

При активной поддержке Русской Православной Церкви идея «созидания солидарного общества» была озвучена на XVII Всемирном русском народном соборе в 2013 г. и вошла в его программные документы как «общественный идеал Российской цивили-

зации» [Соборное слово..., 2013]. При этом основным содержанием солидарности в понимании идеологов РПЦ являлся эффективный этнокультурный диалог и «поиски цивилизационной формулы российской идентичности, разделяемой большинством граждан России независимо от их национальности и вероисповедания» [Соборное слово..., 2013].

Как следствие, концепт солидарности стал неотъемлемым элементом общественно-политического дискурса, получив в то же время характер преимущественно нормативного, а не дескриптивного базиса социальных отношений. Так, по итогам общероссийского социологического исследования «Потенциал гражданского участия в решении социальных проблем» (Левада-Центр, 2014 г.) был сделан вывод о том, что, хотя в настоящее время, прежде всего в мегаполисах, появляется «всё больше оснований для позитивной солидарности», «среди населения распространено ощущение беспомощности, одиночества, неспособности управлять собственной жизнью. Даже среди людей, участвующих в общественной активности и защищающих свои права, распространено мнение о невозможности кардинально изменить ситуацию к лучшему» [Волков, Гончаров, 2014: 51].

В своей типологизации позиции населения по отношению к деятельности НКО и к участию в ней большинства граждан, осуществлённой на эмпирической базе всероссийских опросов Фонда «Общественное Мнение», И. И. Краснопольская и И. В. Мерсиянова выделяют 25% «социальных оптимистов», считающих, что участие в деятельности НКО необходимо, и к 2020 г. большинство граждан будут вовлечено в их деятельность, и 33% «социальных оппортунистов», мнение которых по данным вопросам либо отрицательно, либо не сформировано [Краснопольская, Мерсиянова, 2014: 47].

Нужно также иметь в виду, что латентно выраженный общественный запрос на солидарность далеко не всегда чётко артикулирован — зачастую можно лишь предполагать, каким образом в массовом и индивидуальном сознании операционализируется это весьма неоднозначное понятие. Так, Дж. Роджер, обобщая результаты эмпирических исследований, проведённых рядом социологов, отмечает, что общественные представления о параметрах солидарности и социальной справедливости в различных обществах определяются доминирующими в СМИ и политических кругах дискурсами [Rodger, 2003].

Эмпирический анализ представлений о социальной солидарности

Для определения уровня представленности концепта социальной солидарности в общественном дискурсе, оценки дистанции между нормативным запросом на неё и дескриптивными практиками нами была проведена серия полуструктурированных интервью (N=30, период проведения — октябрь—ноябрь 2016 г.). Отбор респондентов проходил по методике целевой выборки и предполагал

наличие у них опыта общественно-полезной деятельности в течение последних двух лет. Интервьюирование проходило в Белгородской и Воронежской областях. Респонденты не были ограничены в своих высказываниях о сущности социальной солидарности, поскольку инструментарий исследования включал открытые вопросы, а наличие опыта общественной работы у респондентов способствовало более чёткой артикуляции изучаемой проблемы.

В оценках значительного числа респондентов социальная солидарность предстаёт как социальная инклюзия – включённость индивида в социальные группы и общности, а также в общественные процессы: *«под солидарностью я понимаю возможность объединения людей в какую-то общественную группу»* (мужчина, 50 лет, заместитель директора школы); *«под солидарностью я понимаю сплочённость людей разных, разного возраста, активность, ну и в связи с этим, с активностью, – участие в общественной жизни нашего города, нашего округа»* (женщина, 82 года, пенсионер). Иногда солидарность даже напрямую отождествляется с коллективом: *«это группа людей, которые объединены общими интересами, задачами»* (женщина, 20 лет, студентка, староста блока в общежитии).

Однако сама по себе включённость в социальные коллективы и процессы нуждается в прояснении условий и механизмов, движущих социальной интеграцией. Подобного рода условия связываются прежде всего с общими целями, а солидарность трактуется как способность людей объединяться для достижения коллективных целей. И это одна из наиболее часто встречающихся линий в концептуальном осмыслении социальной солидарности: *«[это] объединение, консолидация на основе общих целей»* (женщина, 27 лет, профсоюзный работник); *«я это понимаю “вместе” – когда люди объединяются для чего-то, ради чего-то, во имя чего-то»* (женщина, 55 лет, библиотекарь, старшая по дому); *«лично я под солидарностью понимаю объединение людей, естественно в благих и позитивных целях, для того чтобы сделать окружающий мир лучше, но не окружающий мир глобально, каждый должен делать лучше мир, который окружает лично его»* (мужчина, 35 лет, руководитель Центра молодёжных инициатив).

Одна из респондентов – психолог по роду занятий – предприняла попытку концептуализации солидарности через взаимную адаптацию индивидуальных и коллективных интересов: *«она [солидарность] рассматривается на уровне межгрупповых механизмов, как взаимодействие индивида с группой, социумом и умение учитывать интересы социума, взаимодействовать с ними, подстраиваться под них»*.

Очень часто общие цели и задачи увязываются с взаимопомощью и взаимной поддержкой членов сообщества: *«[солидарность – это] взаимопомощь, взаимовыручка, отстаивание общих интересов»* (женщина, 59 лет, лаборант, старшая по дому).

Но для некоторых респондентов взаимопомощь приобретает самодостаточный характер и становится ключевым параметром социальной солидарности: «*[солидарность — это] такая дружба среди людей, поддержка, материальная и моральная*» (женщина, 68 лет, пенсионер, член Совета территории); «*для меня понятие солидарность — это когда каждый человек, каждый гражданин, неважно какого региона, помогает другому, нуждающемуся человеку*» (мужчина, 22 года, муниципальный служащий). В данном контексте любопытной выглядит попытка одной из респондентов дать собственную этимологию термина «солидарность»: «*само слово «солидарность» происходит от слова “дарить”. В моём понятии — это так, а дарить — это значит безвозмездно, солидарно — это значит зов души, зов дела, которое ты делаешь, с которым ты связываешься. Должно быть объединение мыслей, объединение какой-то идеи, просто дело, которое нужно людям, но оно должно быть, в моём понятии, безвозмездным потому, что — дар*» (женщина, 65 лет, пенсионер).

В ряде суждений трактовка солидарности как социальной инклюзии и способности людей к объединению даётся с точки зрения масштаба участия. Иногда речь идёт о «группах» (подразумеваются, по-видимому, малые группы или небольшие сообщества: «*это как бы способность людей объединяться в группы и помогать друг другу*» (женщина, 19 лет, студентка). Но чаще имеются в виду более масштабные социальные агрегации — уровень муниципалитета, региона или страны: «*это способность граждан страны или жителей того или иного региона, муниципального образования объединиться для решения общей цели, для решения тех задач, которые являются наиболее важными и насущными*» (мужчина, 41 год, преподаватель вуза, член Президиума Совета отцов городского округа); «*под солидарностью общества я понимаю, что все слои населения должны быть задействованы и жить общественной жизнью. Это значит, и пенсионеры, и население, и молодёжь, и дети, и люди зрелого возраста как бы должны быть, ну с какой-то общей идеей, большими целями*» (женщина, 56 лет, социальный работник, преподаватель вуза). Для некоторых респондентов солидарность является неким аналогом патриотизма, действующим на макросоциальном уровне: «*я под солидарностью понимаю, что у нас есть общая Родина, вот, для которой, в общем-то, мы живём и работаем*» (мужчина, 65 лет, военный пенсионер, председатель регионального отделения «Российского Союза Ветеранов»).

То, что солидарность может являться характеристикой социальных групп самого разного уровня и характера (в том числе деструктивных по отношению к социуму), также прослеживается в суждениях респондентов, хотя и немногочисленных: «*слово солидарность означает согласие. Но смотря с чем солидарность, в чём солидарность? В положительном или в отрицательном? Если судить по тому, что... по-нашему сейчас теперешнему состоянию общества, то положение и поведение людей... то я бы так сказала, что, вот между теми, кто ведёт себя негативно и прочее, у них есть в какой-то степени солидарность, раз они поддерживают друг друга, ведут такой образ жизни, и такое поведение. А вот среди позитивных, значит, людей, тоже своя солидарность, они вот ведут себя вот таким вот образом*» (женщина, 76 лет, пенсионер).

Фактор духовно-нравственной общности, нормативно-ценностной, культурной идентичности предстаёт в суждениях респондентов почти столь же важным по значимости, как и общие цели и интересы. Зачастую солидарность определяется как *«чувство сопричастности с мнениями, взглядами других людей, а также их одобрение, поддержка»* (женщина, 27 лет, профсоюзный работник). Но в ряде случаев солидарность рассматривается фактически как тождественность ментальных и даже поведенческих характеристик членов сообщества: *«под солидарностью я понимаю единство мнений и идей людей»* (мужчина, 25 лет, юрист); *«солидарность – это когда люди думают одинаково, действуют одинаково»* (женщина, 77 лет, пенсионер).

Акцентирование социальных (общие цели) и ментальных (общие взгляды) интегрирующих механизмов выводит дискурс о социальной солидарности к концепту сплочённости социума, фактически воспроизводя изначальную концепцию солидарности, восходящую к Э. Дюркгейму: *«солидарность – это моральный принцип, который скрепляет и сплачивает людей в единое целое для решения насущных проблем»* (женщина, 22 года, студентка); *«это, наверное, сплочённое общество, у которого есть одинаковые идеи, одинаковое стремление»* (женщина, 70 лет, пенсионер, председатель регионального отделения Общероссийской общественной организации «Российский Красный Крест»); *«солидарное общество – это как бы сплочение, объединение людей во что-то общее, единое целое»* (женщина, 20 лет, студентка, председатель студенческого совета).

Проявления и уровень солидарности: общественная оценка

Помещение концепта солидарности в контекст оценки дескриптивных практик и состояния территориальных сообществ позволило выявить ряд существенных позиций, выражающих отношение общественности к реальному состоянию социума. Прежде всего, для значительной доли респондентов солидарность является вполне адекватной характеристикой состояния территориальных сообществ. Многие респонденты, не колеблясь, отмечали наличие солидарности в местных и локальных сообществах: *«я уверен, что есть не только в поселениях и городских округах, солидарное общество у нас появляется даже в трудовых коллективах»* (мужчина, 35 лет, руководитель Центра молодёжных инициатив). Одна из респондентов даже подвела социокультурную базу, обосновывая наличие солидарности:

«безусловно, солидарность существует на всех уровнях территориальных сообществ. Во-первых, здесь играет немаловажную роль особенность русского менталитета – милосердие, готовность всегда прийти на помощь. Во-вторых, стоит отметить воспитание: родители, выросшие в другой системе ценностей, стараются прививать детям такие качества, как взаимопомощь и готовность выручить друг друга в любой момент (женщина, 22 года, студентка).

Однако при конкретизации понимания проявления солидарности выяснялось, что зачастую её наличие респонденты оценивают, руководствуясь сугубо внешними, формальными параметрами: «ну, есть и на городском уровне, потому что ведь сейчас у нас в город приезжает много из района, разные концерты ставятся, люди делятся своими достижениями сельскими» (женщина, 68 лет, пенсионер); «ну, я думаю, что она в принципе-то существует. И если взять... я, как работник или председатель райкома профсоюза, я могу сказать, что под одним профсоюзом (у нас – профсоюз работников госучреждений и общественного обслуживания) объединено 34 организации, и туда входят все администрации сельских и городских поселений» (женщина, 56 лет, профсоюзный работник).

Часть опрошенных проводит достаточно чёткую грань между территориальными сообществами, отмечая, что уровень солидарности зависит как от поселенческого фактора, так и от размера территориального сообщества. В первом случае приоритет, как правило, отдаётся сельским сообществам, в которых, с точки зрения респондентов, сильнее проявляется стремление людей к сотрудничеству и взаимопомощи: «мне кажется, что в сельских поселениях она, безусловно, существует. В городе с этим гораздо сложнее» (женщина, 27 лет, профсоюзный работник). Имея в виду масштаб территориальных сообществ, респонденты, как правило, отмечают наличие обратной взаимосвязи между уровнем солидарности и размером сообщества: «Ну, может быть... Могу сказать, что существует на уровне более мелких территориальных сообществ, потому что, наверное, с этим в жизни сталкиваюсь. Насчёт того, существует ли солидарность в области на уровне городских и сельских поселений, затрудняюсь» (женщина, 48 лет, кадровик).

Объясняя такую ситуацию, участники опроса ссылаются на значимость такого сплачивающего фактора, как проблемы, затрагивающие всех членов локальных сообществ: «я думаю, что она есть на уровне двора. Всё во многом зависит от решаемой проблемы» (женщина, 56 лет, сотрудник госучреждения); «вот двор, микрорайон – здесь есть. Но тоже не всегда, она какая-то стихийная. Есть проблема – объединяются, нет – только “Здравствуйте!”», а то, что вокруг есть ещё масса проблем, это не видят» (женщина, 49 лет, пенсионер); «солидарность существует, но не в достаточном количестве, не в достаточном объёме. Объединяются мелкие группы, а большого сплочения в общей численности населения на территориях не замечается» (мужчина, 50 лет, заместитель директора школы).

О характере общественного участия на низовом уровне свидетельствуют результаты проведённого нами ранее массового опроса (ноябрь–декабрь 2015 г. N=1002 респондента; выборка репрезентирует половую, возрастную и поселен-

ческую структуру населения Белгородской области). В соответствии с ними в течение последнего года половине респондентов (49,40%) так или иначе доводилось участвовать в какой-либо коллективной деятельности с соседями по дому (в селе – по улице). Чаще всего это было связано с уборкой и благоустройством территории (27,54% опрошенных). Достаточно многие (17,07%) участвовали в различных формах коллективной взаимопомощи (в том числе в сборе денег, вещей), сборе подписей, коллективных обращениях в органы власти и другие официальные учреждения (12,67%). Устройством и проведением праздников было охвачено 8,18% респондентов.

Указанные в ответах респондентов формы коллективных действий в значительной мере можно охарактеризовать как реальную самоорганизацию граждан, поскольку чаще всего инициатива участия в них (по крайней мере, по мнению респондентов) исходила «снизу». В основном инициаторами выступали соседи респондентов (45,51% назвали именно их), но и сами опрошенные в 25,15% случаев инициировали такие мероприятия. Общественные организации в качестве инициаторов назвали 17,17% опрошенных. О роли других внешних инстанций – органов власти, управляющих компаний в организации коллективных действий заявили 10,58 и 8,78% респондентов соответственно. Хотя нужно учитывать то, что респонденты далеко не всегда могли адекватно оценить латентную роль местной власти в инициативах общественников.

Наконец, часть участников интервью, хотя и небольшая, весьма скептически отзывается о готовности сограждан к солидарному поведению. При этом за данными оценками достаточно чётко просматривается разочарование, наступившее в результате негативного опыта общественной активности: *«ну тут-то как раз я как-то в тупике, потому что мелких территориальных сообществ (двора), скорее, нет, нету... Люди какие-то ленивые... или не ленивые – безразличные. Они бы хотели, чтобы решили какую-то проблему, они были бы рады, чтобы за них кто-то решил проблему»* (женщина, 55 лет, библиотекарь, старшая по дому); *«нет, я бы так сказала, что вот как я наблюдаю по поведению детей даже во дворах и людей во дворах, которые сидят на лавочках... иногда приходится с ними беседовать, то как-то получается, что люди больше затрагивают материальную сторону, понимаете?.. так что о какой солидарности может вообще идти речь»* (женщина, 76 лет, пенсионер).

Выводы

Проведённое исследование показало, что концепт социальной солидарности находит безусловный отклик в местных сообществах, особенно в среде социально активного населения. Для обществен-

ного сознания социальная солидарность – это своего рода нормативная модель общественного устройства. Однако представления о параметрах данной модели и реальности её воплощения в жизнь могут существенно различаться в зависимости от социально-политических установок, социального статуса, жизненного опыта человека. В общественном дискурсе социальная солидарность рассматривается преимущественно сквозь призму коллективных целей и интересов, спланированных граждан в рамках общностей разного уровня – от малых групп до страны. В трактовке социальной солидарности выражен также коммуникационно-деятельностный аспект – взаимопомощи и поддержки, оказываемых друг другу членами сообщества. При позитивной в целом оценке уровня солидарности в территориальных сообществах проводится достаточно чёткая грань между ними. В качестве ключевых факторов солидарности чаще всего декларируются общие для всех участников сообщества или типичные проблемы, порождающие практики самоорганизации и взаимопомощи. Соответственно, в качестве социальной базы формирования солидарных отношений рассматриваются локальные сообщества с высокой степенью коллективной идентичности и коммуникаций (село или двор в городском поселении).

Список литературы

Александр Дж. Парадоксы гражданского общества // Социология: теория, методы, маркетинг. 1999. № 1. С. 27–41.

Артавиа В. Что такое «солидаризм» и чьи интересы он защищает. 10 марта 2010 [Электронный ресурс] // «Социалист»: [веб-сайт]. URL: <http://www.socialistinfo.ru/apriori/405.html> (дата обращения: 10.05.2017).

Бауман З. Индивидуализированное общество / Пер. с англ. под ред. В. Л. Иноземцева. М.: Логос, 2005. 390 с.

Волков Д., Гончаров С. Потенциал гражданского участия в решении социальных проблем: Сводный аналитический отчёт – 2014 [Электронный ресурс] // Левада-Центр. URL: http://www.levada.ru/old/sites/default/files/potencial_grazhdanskogo_uchastiya_0.pdf (дата обращения: 16.11.2016).

Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии / Пер. с фр. и послесловие А. Б. Гофмана. М.: Наука, 1991. 576 с.

Звоновский В. Б., Меркулова Д. Ю. Конкуренция и солидарность в новых территориальных сообществах // Вестник Самарского государственного экономического университета. 2015. № 2 (124). С. 35–40.

Климова С. Г. Идеи и практики солидарности в добровольческом движении // Социологические исследования. 2013. № 6. С. 32–41.

Ковалева Н. В., Мерсиянова И. В., Якобсон Л. И. Мониторинг состояния гражданского общества в России // Личность. Культура. Общество. 2008. Т. X. № 5–6 (44–45). С. 224–230.

Краснопольская И., Мерсиянова И. Гражданское общество как среда производства и распространения социальных инноваций // Форсайт. 2014. Т. 8. № 4. С. 40–53.

Кропоткин П. А. Взаимопомощь как фактор эволюции. М.: Самообразование, 2007. 240 с.

Лавров П. Л. Философия и социология. Избр. произведения в 2 т. М.: Мысль, 1965. Т. 2. Исторические письма 1868–1869. 1965. 703 с.

Мерсиянова И. В. Российское гражданское общество в региональном измерении // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2009. № 4 (92). С. 26–44.

Мерсиянова И. В., Якобсон Л. И. Сотрудничество государства и структур гражданского общества в решении социальных проблем // Вопросы государственного и муниципального управления. 2011. № 2. С. 5–24.

О концепции развития социальной сплочённости в Ульяновской области на период до 2020 года: распоряжение Правительства Ульяновской области от 19 июня 2013 г. № 394-пр [Электронный ресурс] // Правительство Ульяновской области: [веб-сайт]. URL: <http://ulmincult.ru/assets/files/FILES/394-pr.pdf> (дата обращения: 12.05.2017).

Об утверждении Стратегии «Формирование регионального солидарного общества» на 2011–2025 годы: постановление Правительства Белгородской области от 24 ноября 2011 г. № 435-пп [Электронный ресурс] // Консорциум кодекс: [веб-сайт]. URL: <http://docs.cntd.ru/document/469027022> (дата обращения: 12.04.2017).

Омельченко Е. Л. Солидарности и культурные практики российской молодёжи начала XXI века: теоретический контекст // Социологические исследования. 2013. № 10. С. 52–61.

Петухов В. В. Политическая активность и гражданская самоорганизация россиян // Общественные науки и современность. 2002. № 6. С. 59–65.

Путин В. Россия на рубеже тысячелетий // Независимая газета. 1999. 30 декабря.

Реутов Е. В., Реутова М. Н., Шавырина И. В. Социальная солидарность в условиях и практиках населения // Власть. 2016. № 4. С. 94–99.

Реутов Е. В., Турьянский А. А. Взаимопомощь и самоорганизация как микропрактики солидарности в местном сообществе // Трансформация социальных отношений в региональном социуме. VI Сухаревские чтения: Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. 12 октября 2016 г., Саранск. Саранск, 2016. С. 169–173.

Соборное слово Всемирного русского народного собора. 31 октября 2013 г. [Электронный ресурс] // Официальный сайт Московского Патриархата: [веб-сайт]. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/3337081.html> (дата обращения: 14.10.2016).

Халий И. А., Аксенова О. В. Активность структур гражданского общества: ориентация на взаимодействие социальных субъектов // Социальные факторы консолидации российского общества: социологическое измерение. М.: ИС РАН, 2010. С. 229–249.

Штейнберг И. Е. Психология неэквивалентных обменов в сетях социальных обменов городских и сельских семей // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. 2004. № 6 (74). С. 52–57.

Штейнберг И. Е. Парадигма четырех «К» в исследованиях социальных сетей поддержки // Социологические исследования. 2010. № 5. С. 40–50.

Яницкий О. Н. Риск-солидарности: российская версия // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2004. № 2–3. С. 52–62.

Rodger J. J. Social solidarity, welfare and post-emotionalism // Journal of Social Policy. 2003. Vol. 32. No 3. P. 403–421.

Дата поступления в редакцию: 02.06.2017.

DOI: 10.19181/snsp.2017.5.3.5359

Social Cohesion in Public Discourse (Local Research Experience)

This article was prepared with financial support of RFBR. Grant «Reciprocity in the reproduction of practices of mutual help in local communities» № 17-03-00196

Reutov Evgeniy Victorovich

Candidate of Sociology, Associate Professor, Belgorod National Research University. 85 Pobeda St, Belgorod, 308015, Russia. E-mail: reutovevg@mail.ru

Abstract. The concept of social cohesion is currently popular among the political establishment and the general public alike. Since the 2000s, various government and non-government institutions have been presenting the idea of social cohesion as a key benchmark of social development in their concept papers. A series of interviews was carried out to determine how and in which way general public perceives the concept of social cohesion. According to the results, general public sees social cohesion more as a regulatory trait of Russian society rather than a descriptive one. In public discourse, social cohesion is strongly connected to the common goals and interests that bring people within different groups (e.g. small communities or population as a whole) together. Social cohesion is defined as an ability of citizenry to unite in order to achieve a common goal. Shared system of values, moral and spiritual affinity along with legal and cultural identity are key components of social cohesion. In some cases social cohesion is connected to mental and behavioral traits shared by the members of society. Public discourse also presents social cohesion as an action, e. g. active assistance and support provided by the members of society to one another. Local communities with strong collective identity and highly developed communication (a village or a neighborhood in a small town) are considered to be the base of solidary society.

Keywords: social solidarity, values, interests, mutual aid, public discourse.

REFERENCES

Aleksander Dzh. *Paradoksy grazhdanskogo obshhestva*. [Paradoxes of civil society]. *Sociologija: teorija, metody, marketing*. 1999. № 1. P. 27–41 (In Russ.).

Artavia V. *Chto takoe «solidarizm» i ch'i interesy on zashhishhaet*. [What is the «solidarism» and whose interests it protects]. 10 marta 2010 [Elektronnyj resurs]. «Socialist»: [veb-sajt]. URL: <http://www.socialistinfo.ru/apriori/405.html> (data obrashhenija: 10.05.2017) (In Russ.).

Bauman Z. *Individualizirovannoe obshhestvo*. [Individualized society]. Moscow: Logos publ., 2005. 390 p. (In Russ.).

Djurkgejm Je. *O razdelenii obshhestvennogo truda. Metod sociologii*. [On the division of social labor. The method of sociology]. Moscow: Nauka publ., 1991. 576 p. (In Russ.).

Halij I. A., Aksenova O. V. *Aktivnost' struktur grazhdanskogo obshhestva: orientacija na vzaimodejstvie social'nyh subjektov*. [The activity of structures of civil society: a focus on the interaction of social actors]. *Social'nye faktory konsolidacii rossijskogo obshhestva: sociologicheskoe izmerenie*. Moscow: IS RAN publ., 2010. P. 229–249 (In Russ.).

Klimova S. G. *Idei i praktiki solidarnosti v dobrovol'cheskom dvizhenii*. [The ideas and practices of solidarity in the volunteer movement]. *Sociologicheskie issledovanija*. 2013. № 6. P. 32–41 (In Russ.).

Kovaleva N. V., Mersijanov I. V., Jakobson L. I. *Monitoring sostojanija grazhdanskogo obshhestva v Rossii*. [Monitoring the state of civil society in Russia]. *Lichnost'. Kul'tura. Obshhestvo*. 2008. T. X. № 5–6 (44–45). P. 224–230 (In Russ.).

Krasnopol'skaja I., Mersijanov I. *Grazhdanskoe obshhestvo kak sreda proizvodstva i rasprostraneniya social'nyh innovacij*. [Civil society as a medium of production and dissemination of social innovation]. *Forsajt*. 2014. T. 8. № 4. P. 40–53 (In Russ.).

Kropotkin P. A. *Vzaimopomoshh' kak faktor jevoljucii* [Mutual aid as factor of evolution]. Moscow: Samoobrazovanie publ., 2007. 240 p. (In Russ.).

Lavrov P. L. *Izbrannyye proizvedeniya v 2 t.* [Selected works in 2 vols]. Moscow: Mysl' publ., 1965. T. 2. 703 p. (In Russ.).

Mersijanov I. V. *Rossijskoe grazhdanskoe obshhestvo v regional'nom izmerenii*. [Russian civil society in the regional dimension]. *Monitoring obshhestvennogo mnenija: jekonomicheskie i social'nye peremeny*. 2009. № 4 (92). P. 26–44 (In Russ.).

Mersijanov I. V., Jakobson L. I. *Sotrudnichestvo gosudarstva i struktur grazhdanskogo obshhestva v reshenii social'nyh problem*. [Cooperation between the state and civil society structures in solving social problems]. *Voprosy gosudarstvennogo i municipal'nogo upravlenija*. 2011. № 2. P. 5–24 (In Russ.).

O koncepcii razvitija social'noj splochnonosti v Ul'janovskoj oblasti na period do 2020 goda: rasporyazhenie Pravitel'stva Ul'janovskoj oblasti ot 19 ijunya 2013 g. № 394-pr. [The concept of development of social cohesion in the Ulyanovsk region for the period till 2020] [Elektronnyj resurs]. *Pravitel'stvo Ul'janovskoj oblasti* URL: <http://ulmincult.ru/assets/files/FILES/394-pr.pdf> (data obrashhenija: 12.05.2017) (In Russ.).

Ob utverzhdenii Strategii «Formirovanie regional'nogo solidarnogo obshhestva na 2011–2025 gody: postanovlenie Pravitel'stva Belgorodskoj oblasti ot 24 nojabrja 2011 g. № 435-pp. [On approval of the Strategy «the development of regional solidary society in 2011–2025]. [Elektronnyj resurs]. *Konsorcium kodeks*: [veb-sajt]. URL: <http://docs.cntd.ru/document/469027022> (data obrashhenija: 12.04.2017). (In Russ.).

Omel'chenko E. L. *Solidarnosti i kul'turnye praktiki rossijskoj molodjozhi nachala XXI veka: teoreticheskij kontekst*. [Solidarity and cultural practices of Russian youth at the beginning of XXI century: theoretical context]. *Sociologicheskie issledovanija*. 2013. № 10. P. 52–61 (In Russ.).

Petuhov V. V. *Politicheskaja aktivnost' i grazhdanskaja samoorganizacija rossijan*. [Political activity and civic self-organization of Russians]. *Obshhestvennye nauki i sovremennost'*. 2002. № 6. P. 59–65 (In Russ.).

Putin V. *Rossija na rubezhe tysjacheletij*. [Russia at the turn of the Millennium]. *Nezavisimaja gazeta*. 1999. 30 dekabrja (In Russ.).

Reutov E. V., Reutova M. N., Shavyrina I. V. *Social'naja solidarnost' v ustanovkah i praktikah naselenija* [Social solidarity in the attitudes and practices of the population]. *Vlast'*. 2016. № 4. P. 94–99 (In Russ.).

Reutov E. V., Tur'janskij A. A. Vzaimopomoshh' i samoorganizacija kak mikropraktiki solidarnosti v mestnom soobshhestve. [Mutual aid and self-organization as micropractice solidarity in the local community]. *Transformacija social'nyh odnoszenij v regional'nom sociume. VI Suharevskie chtenija: Materialy Vserossijskoj nauchno-prakticheskoi konferencii s mezhdunarodnym uchastiem*. 12 oktjabrja 2016 g. Saransk. Saransk publ., 2016. P. 169–173 (In Russ.).

Sobornoe slovo Vsemirnogo russkogo narodnogo sobora. 31 oktjabrja 2013 g. [Conciliar word world Russian people's Council]. [Elektronnyj resurs]. *Oficial'nyj sayt Moskovskogo Patriarhata*: [veb-sajt]. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/3337081.html> (data obrashhenija: 14.10.2016) (In Russ.).

Shtejnberg I. E. Psihologija neekvivalentnyh obmenov v setjah social'nyh obmenov gorodskih i sel'skih semej. [Psychology non-equivalent exchange in networks of social exchanges of urban and rural families]. *Vestnik obshhestvennogo mnenija. Dannye. Analiz. Diskussii*. 2004. № 6 (74). P. 52–57 (In Russ.).

Shtejnberg I. E. Paradigma chetyreh «K» v issledovanijah social'nyh setej podderzhki. [Paradigm four «K» in the study of social support networks]. *Sociologicheskie issledovanija*. 2010. № 5. P. 40–50 (In Russ.).

Volkov D., Goncharov S. Potencial grazhdanskogo uchastija v reshenii social'nyh problem: Svodnyj analiticheskij otchjot – 2014 [The potential of civil participation in the solution of social problems: a Consolidated analytical report – 2014]. [Elektronnyj resurs]. *Levada-Centr*: [web-site]. URL: http://www.levada.ru/old/sites/default/files/potencial_grazhdanskogo_uchastija_0.pdf (data obrashhenija: 16.11.2016) (In Russ.).

Yanitsky O. N. Risk-solidarnosti: rossijskaja versija. [Risk solidarity: Russian version]. *Interakcija. Interv'ju. Interpretacija*. 2004. № 2–3. P. 52–62 (In Russ.).

Zvonovskij V. B., Merkulova D. Ju. 2015. Konkurencija i solidarnost' v novyh territorial'nyh soobshhestvah [Competition and solidarity in the new territorial communities]. *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo jekonomicheskogo universiteta*. № 2 (124). P. 35–40 (In Russ.).

Rodger J. J. Social solidarity, welfare and post-emotionalism. *Journal of Social Policy*. 2003. Vol. 32. No 3. P. 403–421.

Date received by 02.06.2017.